

ГРИГОРИЙ VII ГИЛЬДЕБРАНД
(Между 1015 и 1020 — 1085)
Римский папа

С надлежащей точностью нет возможности установить даже год рождения гениального папы: на основании спорных данных и шатких догадок приходится искать его между 1015-1020 годами. Равным образом показания источников не сходятся в определении места его рождения, колеблясь между Римом и тосканским городком Соаной. Даже в вопросе об общественном положении его родителей существует разногласие.

Несомненно, что он происходил из низшего слоя тогдашнего общества и родился в Соанском округе, пограничном с Тосканой, в местечке Раваок от поселянина Боницо; имя матери неизвестно. Ребенок получил при крещении имя Гильдебранда.

Со времени Карла Великого Соана принадлежала к церковной области и находилась в тесных сношениях с Римом. Немудрено поэтому, что родители, заметив в своем сыне задатки великих дарований, решили дать ему воспитание в вечном городе, где к тому же имели

родственников, занимавших довольно видные должности. Один из них – дядя по матери – был аббатом монастыря св. Марии, расположенного на склоне Авентинского холма. К этому-то дяде и отправили для воспитания молодого Гильдебранда.

Монастырь св. Марии служил одним из важнейших очагов преобразовательного движения, являясь в то же время и рассадником просвещения. Движение носило своеобразный отпечаток и было направлено на развитие в молодых питомцах самообуздания, вражды к церковным нестроениям, стремления к созерцательной жизни и мистицизму. От природы Гильдебранд имел склонность к широкой деятельности, и его живая, огненная натура не могла удовлетвориться замкнутым существованием в тесной монастырской келье.

В аббатстве св. Марии Гильдебранд столкнулся с некоторыми лицами, воззрения которых глубоко запечатлелись в его восприимчивой душе, – с Иоанном Грацианом и Лаврен-

тием, епископом Амальфи.

Своим живым примером они производили неотразимое впечатление на молодого воспитанника. Особенно важно влияние Лаврентия. Он принадлежал к числу ученейших людей своего времени, знал в совершенстве латинский и греческий языки, обладал замечательным красноречием, был одним из ближайших друзей св. Одилона, аббата клюнийского, учился у известного папы Сильвестра II (999-1003), ревностного поборника величия Рима и папства, проповедника религиозной терпимости. Гильдебранд с жадностью слушал престарелого епископа, увлекался идеями прежнего республиканского времени, проникался стремлением к восстановлению упавшего значения пап.

Но еще в молодые годы Гильдебранд понял, что с одними воззваниями к исправлению далеко не уйдешь, что необходимы более осязаемые, а потому и более действенные средства, что для достижения успеха надо ловить удобное мгновение и не брезговать ничем: главными двигателями всегда были меч и золото.

В то время человеку незнатному можно было выйти в люди либо путем военной известности, либо вступлением в духовное звание. Как выходец из народа, Гильдебранд не смел рассчитывать на блестящую удачу на мирском поприще, тем более что маленький рост, плохое телосложение, неприглядная осанка закрыли для него военную дорогу, а потому оставался один выход – стать в ряды духовенства. Не без тяжелой внутренней борьбы сделал Гильдебранд этот решительный шаг, приняв пострижение с большой неохотой.

Оказалось, что кружок, в котором вращался Гильдебранд, вынашивал в монастырской тиши широкие замыслы, и теперь молодого монаха посвятили в них. В осуществлении этих мечтаний не последнее место занимало приобретение денег и войска, могущество ко-

торых прекрасно понимали все. Теперь они имели и то, и другое: Иоанн Грациан, к которому прибегали обыкновенно богомольцы, руководимые общим уважением к его святой жизни, и которому щедро оплачивали совершаемые им молебны, доставил деньги, Гильдебранд – войско: он нанял воинов и стал во главе их, скрывая рясу под великолепным вооружением. В то время на папском престоле сидел путем подкупа и насилий вступивший на него десятилетним мальчиком Бенедикт IX (1033-1046 гг.). Уже в такие молодые годы он запятнал себя всевозможными пороками, гнуснейшими убийствами, отвратительным сладострастием.

Бешеная страсть к дочери одного римского барона, который потребовал от первосвященника предварительного отречения от сана, не совсем ослепила Бенедикта: он не хотел окантоваться с пустыми руками, а потому решился на неслыханную сделку – продать папский престол с молотка. Покупатели нашлись, и победа осталась за приятелем Гильдебранда, Грацианом, принявшим имя Григория VI. Новый папа назначил Гильдебранда своим капелланом и с его помощью попробовал приступить к преобразованиям. Но Бенедикт вскоре раскаялся в своем опрометчивом поступке и захотел вернуть все, так как его сватовство потерпело решительную неудачу. Отвергнутый жених снова провозгласил себя папой и без особых усилий нашел себе приверженцев, поскольку принадлежал к влиятельному римскому дворянству. Таким образом, на престоле св. Петра одновременно восседали три наместника, и многие из римлян готовы были на все, чтоб прекратить неслыханный дотоле скандал. Но собственными силами они не могли помочь горю; взоры их невольно обратились за Альпы, в Германию, где королевский престол занимал Генрих III (1039-1056 гг.), могущественный властелин, уже давно мечтавший о совершении в церкви необходимых

преобразований. Он изъявил полнейшую готовность положить конец позорному соблазну. Новый папа, родом немец, Климент II короновал Генриха императорской короной. Таким образом, раскол прекратился благодаря вмешательству светской власти. Однако никто не мог поручиться, что Рим останется безучастным после удаления императора; больше всего опасений вызывал низложенный Григорий VI и его кружок, имевшие свою казну и войско. Генрих, как глубокий и тонкий знаток людей, разгадал в маленьком и невзрачном монахе Гильдебранде великую душу, пронизательный ум, безмерное властолюбие и железную волю. Эти качества делали опасным для императора дальнейшее пребывание Гильдебранда в вечном городе, и Генрих взял его с собой вместе с низложенным другом. Раз обратив на себя внимание императора и его супруги, Гильдебранд завоевал их расположение.

Пребывание при императорском дворе длилось недолго: Григорий VI вскоре умер (ок. 1048 г.), а Гильдебранда охватила мучительная тоска по родине. Он выпросил у императора позволение отправиться в Клуни. Здесь благодаря беседам с благочестивыми старцами в душе Гильдебранда взошли семена отречения, презрения к миру и его соблазнам, сознания тщеты его радостей, созрело намерение посвятить свои дни аскетическим упражнениям и созерцательной жизни.

Но, помимо развития в Гильдебранде мистицизма, пребывание в Клуни имело для него большое значение и в другом отношении. В то время монастыри с клюнийским уставом раскинулись сетью по всему Западу, и все признавали клюнийского аббата своим главой; самая строгая дисциплина царила в этих монастырях, и приказания верховного начальника исполнялись беспрекословно и точно. Тут Гильдебранд воочию должен был убедиться, что одна грубая сила и деньги владычеству ют над миром, что нравственные силы игра-

ют огромную роль в деле приобретения власти над людьми: тот, кто господствует над душой, сильнее властвующего над телом. Поэтому для господства над миром нужно нравственное право, основа которого – религиозное чувство. Гильдебранд осознал это, когда понял, что только вера давала в руки аббату такую беспредельную власть. Если же основой истинного и прочного могущества могли быть только религия и нравственное превосходство, то, пока церковь не стала на недостижимую нравственную высоту, она и не могла быть средоточием мира. Наиболее, как известно, роняли церковь в глазах ревнителей реформы брачные отношения духовенства и симония (торговля церковными должностями и духовными санами). Гильдебранд считал, что введение безбрачия сделает духовенство менее зависимым от мирян и обратит его в покорное орудие святой церкви. Он полностью оправдывал собственным примером подобное воззрение: никогда, ни в одном из своих писем он не вспоминает об отце, матери и родных, как будто их совсем не существовало на белом свете; отцом он называет апостола Петра, матерью – святую римскую церковь. Таких же крайних взглядов придерживался Гильдебранд и относительно симонии. Один за другим умирали папы, назначаемые Генрихом. Ходили слухи, что Бенедикт ядом устранял своих преемников. Наконец, никто не хотел ехать на верную смерть, и только после долгих упрасиваний и продолжительных увещаний епископ Тули Бруно принял папский сан, но поставил два условия: во-первых, чтобы назначение было одобрено римским клиром и народом и, во-вторых, чтобы ему в спутники был дан Гильдебранд. В одеждах кающихся, во власяницах, с босыми ногами и посыпанными пеплом головами совершали они свой путь и вступили в Рим под восторженные крики населения. Такой необычный наряд сильно польстил гордости римлян и глубоко поразил их

сердца: они немедленно провозгласили Бруно папой под именем Льва IX (1048-1054 гг.).

С этих пор возрождение папства стало на твердую почву. Новый первосвященник, сторонник клюнийских взглядов, со строгой последовательностью стал проводить в жизнь церковные преобразования: на целом ряде соборов издавались и повторялись постановления против симонии и браков духовенства. Но в то же время Лев IX старался поднять авторитет папства, выступая защитником притесненных жителей юга Италии, которые изнывали под железным игом норманнов, не щадивших даже церковных владений для удовлетворения своей алчности. Увещевания, псалтырские послания, даже отлучения не помогали; тогда папа решился собственными средствами расправиться с норманнами. Произошла роковая битва при Чивителле, и сам папа попал в плен. Вскоре, глубоко потрясенный неудачей, Лев скончался. Печальная участь Льва послужила для Гильдебранда поучительным примером: Гильдебранд понял, что для торжества папства нужно одновременно поднять его нравственно и усилить материально. Теперь Гильдебранд смело и прямо шел к намеченной цели: одной рукой он ниспровергал церковные нестроения, другой собирал отовсюду средства для успешного ведения своего дела. Уже при Льве Гильдебранд занял выдающееся положение, будучи возвышен в сан иподиакона и получив в свое ведение хозяйственную часть и управление обширными церковными владениями. Здесь в полном блеске обнаружились способности Гильдебранда; он в короткое время значительно увеличил церковные доходы, создал милицию святого Петра и вооруженной рукой отнял многое из утраченного. При исполнении ответственных поручений, возлагаемых на него папой, Гильдебранд был неуклонно беспощаден, до безжалостности справедлив, и ему не раз приходилось заменять Льва IX, когда тот покидал Рим

для разъездов по Европе. После смерти папы Гильдебранд был отправлен уполномоченным к германскому двору для избрания нового папы. Выбор Гильдебранда пал на епископа Гебгарда. В этом скрывался необыкновенно тонкий и верный расчет: Гебгард был самым могущественным лицом в империи после Генриха и, сделавшись папой, мог увеличить средства апостольского престола. Кроме того, прекращалось противодействие усилению папства, так как оно теперь становилось близким ему делом. Немудрено, что Генрих отказался исполнить желание Гильдебранда, и сам епископ не хотел работать против плодов собственной деятельности. Тем не менее настойчивость Гильдебранда победила: Гебгард принял папскую тиару.

Гильдебранд вместе со своим избранником отправился в Рим, где новый папа получил имя Виктора II (1054-1057 гг.). Само собой понятно, что в правление Виктора II, поднявшего политическое значение папства возвращением множества земель, Гильдебранд не играл руководящей роли: папа не любил монахов, живших вне монастырей, и держал Гильдебранда вдали от своих планов и намерений, хотя не устранил его от заведования казной и возлагал на него порой обязанности легата для осуществления преобразовательных идей.

Тем временем умер Генрих III, а Виктор II недолго управлял империей как опекун малютки Генриха IV, так как скончался вскоре после императора. Деятельность этих двух лиц, шедших рука об руку, придавала прочность и силу зачаткам преобразовательного движения, сдерживала его крайности, пугала противников, так что столкновение между церковью и государством при их жизни было немислимо. Зато теперь встрепенулись все подавленные элементы: немецкое княжеское владение, римские бароны, темные фанатики, своекорыстные духовные сановники. Среди этого разлада и беспорядка руководящее поло-

жение должен был занять человек энергичный, одаренный сильной волей. Именно Гильдебранд подходил для такой роли. И он выступает теперь самостоятельно, во всеоружии своих необычайных способностей, обогащенный опытом и близостью к стольким выдающимся людям.

Зачатки неурядиц и волнений были в самом Риме, где дворянство не могло сжиться с мыслью о потере своего влияния, с лишением церковных владений, со строгим духом преобразований, вытравившим прежнюю раздольную жизнь; поэтому смерть Виктора II и отсутствие прочности власти в Германии, где мощную длань Генриха III заменила слабая рука его супруги, послужила прекрасным поводом к возникновению смут: римляне долго не могли выбрать преемника Виктору; началась борьба партий; в самый ее разгар некоторые кардиналы обратились к аббату Монтекассинского монастыря Фридриху за советом; он порекомендовал четырех лиц, между прочим и Гильдебранда, но римляне объявили, что не считают их достойными такого сана, и решили избрать самого аббата; тщетно он отказывался, тщетно более благоразумные советовали подождать возвращения Гильдебранда, бывшего при усопшем папе во Флоренции, римляне настояли на своем и провозгласили Фридриха наместником апостолов под именем Стефана IX (1057-1058 гг.). При нем дело преобразований шло своим чередом, только искоренению брачной жизни духовенства уделялось наибольшее внимание.

Однако скоро Стефан IX, не отличавшийся крепостью здоровья, скончался и перед смертью заклинал, во избежание беспорядков, подождать с избранием нового папы до прибытия Гильдебранда, которому, безусловно, доверял. Но враги реформ, римские бароны, сочли, что настал их час. Разграбив сокровищницу св. Петра, они раздавали на всех углах и перекрестках деньги для привлечения продажных

римлян на свою сторону. Так, бароны избрали епископа Веллетрийского в папы под именем Бенедикта X (1058-1059 гг.). Гильдебранд решительно выступил против дворянского папы, разослал во все стороны письма, просил в них не признавать Бенедикта, собрал павших духом кардиналов и всех недовольных римскими событиями. Образовалась мало-помалу грозная сила. Гильдебранд решил избрать своего папу, и выбор его пал на епископа флорентийского Гебгарда. Опять в Германию отправилось посольство за согласием. Духовенство торжественно признало Гебгарда наместником апостолов, дав ему имя Николая II (1059-1061 гг.). Следовало ожидать теперь кровавого столкновения между партиями, так как бароны неспособны были уступить без борьбы. Гильдебранд и тут принял меры: прежде всего он обратился к духовному оружию и предал Бенедикта и его сторонников анафеме. Затем, зная отлично слабость римлян к золоту, отправил в Рим значительное количество денег и этим возбудил там междоусобие; довольно долго кровь лилась рекой и горели дома, пока, наконец, не стала одолевать сторона Гильдебранда. Тогда и он вместе со своим избранником подступил к Риму, мечом и золотом сломил сопротивление и завладел городом. Бенедикт заперся в крепком замке, оттуда Гильдебранд не мог его выбить за недостатком войск. Необходимо было для окончательной победы добыть войска, и вот Гильдебранд отправляется в южную Италию, к норманнам, вместе с Николаем снимает тяготевшее над ними отлучение, дает инвеституру норманнским князьям: Ричарду – на княжество Капуанское, а Роберту Коварному – на герцогство Апулию, Калабрию и Сицилию, «земли св. Петра». Как бы в уплату за это оба князя дали клятву в верности римской церкви, обязались платить ей ежегодную подать и немедленно оказали помощь в борьбе против приверженцев Бенедикта. Окруженный со всех сторон,

Бенедикт принужден был сдаться. Вскоре он был несправедливо обвинен Гильдебрандом во множестве грехов, низложен и обречен на нищету.

Таким образом, Гильдебранд показал всем, что не остановится ни перед чем для защиты апостольского престола от произвола римской знати, ибо это – первая ступень к владычеству папства над миром. Тот же собор вырабатывал правила, которыми впредь должно было руководствоваться при избрании пап: за римским клиром и народом осталось право одобрения; патриций Генрих был лишен права назначения, но лично удержал право согласия. Теперь все зависело от решения коллегии кардиналов, которые и избирали преемника сошедшему со сцены папе. Избрание это могло происходить всюду, где собиралась «лучшая часть» кардиналов. Соборным постановлением запрещено было посещать богослужения, совершаемые женатыми священнослужителями и симонистами. За исполнением этого запрещения со всей строгостью должны были наблюдать бродячие монахи. Немедленно для Гильдебранда был освобожден важный пост архидиакона, причем занимавшее ранее этот пост лицо получило изрядные деньги в уплату за свой вынужденный отказ. Архидиаконство до некоторой степени соответствовало министерству иностранных дел: все внешние дела перешли теперь в руки Гильдебранда, и он направил свои усилия на поднятие могущества пап в Европе, завязал дружественные отношения с французским королем, бургундскими владетелями, английскими епископами, а союзом с норманнами обезопасил южную окраину церковных владений. На римском соборе 1059 года он короновал Николая королевской короной, соединенной с папской тиарой, чем подчеркивал притязание пап быть и светскими главами мира. Бросая этот вызов императорству, Гильдебранд рассчитывал на его слабость, вызванную малолетством Генриха IV и

отсутствием прочного направления в политике его матери и опекунши, и хотел подготовить умы к дальнейшим своим требованиям. Но открытая борьба наступила скорее, чем можно было предполагать: постановления римского собора оскорбили императорство, немецких и ломбардских епископов, римское дворянство, и лги столь различные, даже враждебные порой силы соединились и своим влиянием побудили мать Генриха IV, Агнессу, на собор ответить собором, чтобы объявить все распоряжения папы Николая незаконными, а его самого низложенным и преданным анафеме.

Вскоре Николай II скончался, и часть римлян отправила послов к наследному своему патрицию для назначения преемника умершему. Но Гильдебранд не дремал: он поспешил предупредить неприятное избрание и произвел выборы под своим давлением; Ансельм, епископ Луккский, был объявлен папой под именем Александра II (1061-1073 гг.). Противники Гильдебранда побудили Агнессу назначить своего папу в лице Кадала, епископа Пармского. Опять произошел церковный раскол, опять вечный город сделался поприщем уличных схваток и грабежей, опять потекла кровь.

На Мантуанском Соборе (1064 г.) Александр II торжественно был признан папой, а Кадал объявлен низложенным. Кадал не унялся, созвал свой собор, низложил и предал анафеме Александра. Благодаря интригам Гильдебранда и вмешательству Генриха раскол был прекращен, и к 1066 году положение Александра упрочилось. Но Гильдебранд не мог сжиться с такой позорной зависимостью от дворцовых переворотов в Германии и с удвоенным рвением предан осуществлению своей заветной мечты поставить на незыблемую почву духовное и светское могущество римского первосвященника.

Таким образом мало-помалу рос авторитет апостольского престола и папство станови-

лось во главе западноевропейского мира. Первым сановникам империи, виновным в смутах, босиком и в одеждах кающихся грешников, пришлось молить папу об отпущении грехов и своим смиренным покаянием засвидетельствовать перед миром, что папство может теперь громко изъявлять свою волю и заставить исполнять ее. Вскоре после этого урока Гильдебранду удалось показать всю силу папства уже на самом Генрихе. Оставшись крошечным малюткой после смерти отца, он не получил хорошего воспитания; выработался характер самовластный, вспыльчивый, неустойчивый, скрытный, недоверчивый, склонный к чувственным наслаждениям. Исполняя завет отца, Генрих женился на Берте Сузской, но король не любил ее и предпочитал одерживать легкие победы в кругу придворных дам. Наконец, он вздумал развестись с навязанной супругой.

Генрих повел дело тонко: сначала расположил в свою пользу щедрыми обещаниями примаса Германии Зигфрида, затем остальных епископов. Все обещали свое содействие, и Генрих предвкушал прелести развода, как вдруг обстоятельства переменились: Рим взял сторону невинной и несчастной Берты. Недремлющее око Гильдебранда уже давно замечало распущенность, царившую при германском дворе.

Гильдебранд немедленно поспешил подчеркнуть роль папы как защитника угнетенной невинности: в Германию был отправлен Петр Дамиани. Престарелый аскет оказался вполне на высоте своей задачи: пламенными убеждениями он сумел пробудить лучшие черты Генриха – великодушие и религиозность. Не без тяжелой внутренней борьбы отказался молодой король от своей затеи и решил терпеливо нести свой крест. Влиятельнейшие прелаты немецкого государства убедились, что с Гильдебрандом шутки плохи, и почувствовали теперь живейшую потребность в созерцатель-

ной жизни, выписывали монахов из Клуни для пользования их спасительными советами, основывали монастыри для насаждения в своих епархиях клюнийских идей. Широко разлились теперь волны преобразований по Германии.

Деятельность Гильдебранда принесла блестящие плоды: без особой траты сил, без мировой борьбы папство упрочило и свое нравственное положение, и материальную мощь, заключавшуюся в значительном числе преданных делу папства владетелей. Оставалось идти далее, не только освободить церковь от влияния светской власти, но и утвердить «царство Бога на земле», поставив папство во главе всех сил мира.

Нетрудно предвидеть, что Гильдебранд, до сих пор имевший на своей стороне многих духовных и светских властителей, искусно использовавший дух времени и жгучую потребность в церковных преобразованиях, для достижения своей конечной цели должен был выдержать упорную и непримиримую борьбу. С этого времени уже в рядах сторонников реформы обнаруживается разделение. Одни, и притом большинство, полагали, что цель почти достигнута: окончательное искоренение симонии и брачной жизни духовенства – лишь вопрос времени; папство стало на подобающую нравственную высоту; права светской власти на замещение апостольского трона значительно урезаны и приведены в согласие с соборными постановлениями.

Во главе этой партии стояли известный Петр Дамиани и Дезидерий, аббат монтекассинский, человек мягкий, кроткий и глубоко ученый. Другие, составлявшие меньшинство и имевшие вождем Гильдебранда, думали, как известно, поставить папство бесконечно выше императорства. Это коренное различие в руководящих взглядах обнаруживалось в борьбе за преобладающее влияние на слабого Александра II, в прицании одними действий дру-

гих, причем Гильдебранд всегда был сторонником крутых мер.

Александр II, подстрекаемый умеренными папистами, не раз оказывал противодействие намерениям Гильдебранда, когда исполнение их грозило вызвать гражданскую смуту или разрыв с императорством. Встречая такое противодействие, Гильдебранд разрывал связи с прежними друзьями и поступал еще круче: нередко он по одному подозрению бросал в тюрьмы людей невинных, легко прощал людей, запятнанных преступлениями, приближал их к себе и употреблял как орудие.

Несправедливо обвиненный в симонии, Дамиани умер от изнурения, Александр ненадолго пережил престарелого кардинала: 21 апреля 1073 года не стало и его. Злые языки праздных болтунов и людей злонамеренных толковали, будто он был отравлен Гильдебрандом.

Теперь от нового папы зависело многое: ничтожная личность по своей слабости и посредственности легко могла сделаться игрушкой других и, в случае смерти Гильдебранда, посягнуть на его дело, которое пошло бы прахом. Зато сильный волей и богатый умом и опытом папа, пожалуй, захотел бы держать в тени архидиакона. Гильдебранд чувствовал, что может надеяться только на себя, ему было необходимо возложить на свою голову титру римского первосвященника и положить тем последний камень, завершающий величавое здание, плод долголетней и упорной работы.

Смерть Александра II застала Гильдебранда во всеоружии, и он немедленно принялся за осуществление своего замысла. По приказанию архидиакона Цинтий, богач, префект Рима и начальник городских войск, тотчас же занял вооруженными людьми Латеран для сохранения спокойствия и порядка. Сам Гильдебранд занялся приготовлением к погребению, приказав завершить трехдневное заупо-

койное богослужение, раздавать милостыню и держать пост. Тем временем его доверенные щедрой раздачей денег настраивали граждан к избранию архидиакона.

Утром толпа бросилась к архидиакону, схватила его и, несмотря на его сопротивление, повлекла в церковь св. Петра в оковах, облачила в красную мантию и возвела на апостольский престол. Новый папа принял глубоко знаменательное имя Григория VII, чья своим выбором память учителя, низложенного светской властью, папы Григория VI.

Несмотря на такой удачный исход замыслов Гильдебранда, положение его было довольно шатко: кардиналы не подписали постановления об избрании Григория. Это побудило папу постараться закрепить за собой признание христианского мира. Тотчас после вступления на апостольский престол он развил кипучую, разностороннюю деятельность: почти во все страны Европы полетели гонцы с письмами к различным лицам, которым Григорий считал необходимым сообщить о своем избрании.

Приверженцы старины ждали только одного слова Генриха, чтоб со всех сторон наброситься на Григория. Но слово это не было сказано. Уже вскоре после своего возвышения Григорий отправил Генриху письмо, в котором просил короля не соглашаться с выбором римлян, грозя в противном случае не оставить безнаказанными его проступки. Нужно знать Генриха, чтоб понять чрезвычайно тонкий расчет Григория. Грозить Генриху карой, если он признает выбор римлян, было лучшим средством заставить его дать свое согласие или вызвать открытый разрыв, который отличил бы истинных друзей от тайных врагов. И в том, и в другом случае выигрывал папа, знавший непрочность самодержавия в Германии.

Понятно, что Григорий не думал отказываться от сана папы в случае несогласия Генриха. Король предоставил итальянские со-

бытия собственному их течению. Такое поведение римского патриция заставило всех недовольных возвышением Гильдебранда либо примириться с ним, либо затаить свои истинные чувства до более удобного времени. Григорий мог беспрепятственно готовиться к возвышению в сан римского первосвященника, последовательно проходя лестницу церковных ступеней от простого монаха до высоты престола вселенского епископа: 22 мая 1073 года он принял священство, а 30 июня получил посвящение в епископы и сделался духовным главою всего западноевропейского мира.

Вся деятельность Григория VII вытекала из его взгляда на состояние современной ему церкви, которое представлялось ему в самых мрачных красках.

Общество, по собственному признанию Григория, было целиком поглощено мирскими заботами и стремлениями. В обязанности папы входило пересоздать его, заставив искать вечного блаженства, не упиваться прелестями земной жизни. Обратив народ на путь истины Григорий считал своим долгом и призванием. Вера в свою миссию наполняла все его существо, и ее не убивали минуты уныния, приводя только к сомнению в возможности личного спасения, ценой которого он думал купить благо человечества, избавив его от духовной смерти. Для общего блага и спасения он готов был погубить свою душу греховной жизнью и мирскими стремлениями. Коренной причиной церковных и общественных нестроений Григорий считал самый строй современной ему жизни, где руководящее положение было занято светской властью, которая и по природе своей, и по происхождению не имела на него никаких действительных оснований.

Если преступления породили светскую власть и она вела к торжеству зла, то неудивительно, что люди забыли божественное откровение и цель своего земного существования.

До времени Григория VII ни один папа

с такой поразительностью не развивал перед глазами изумленного человечества таких поистине чудовищных и непомерных притязаний: нет ни светской, ни епископской самостоятельной власти – над всем миром стоит святой и непогрешимый папа.

С известной точки зрения, они вытекали из христианского учения о преобладании духа над плотью. Но сам Иисус сказал: «Царство мое не от мира сего». Григорий же хотел водворить на земле царство Божье под главенством папы, воплотить идею торжества и победы духа над плотью.

Установление царства Божьего на теократических основах, естественно, должно было начаться с преобразования духовенства. Только нравственно и политически свободный клир соответствовал замыслу и мог помочь осуществлению великой идеи, поэтому Григорий начертал на своем знамени: «Свобода церкви», другими словами – уничтожение браков духовенства, симонии и светской инвестиции.

10 марта 1074 года Григорий открыл заседание первого созванного им собора и уже тогда торжественно возобновил постановления против симонии и брачной жизни духовенства, придал им еще большую суровость и беспощадность; все виновные в этих преступлениях пастыри лишались мест и сана.

Страсти мирян, не сдерживаемые должным уважением к священному сану, разыгрывались все сильнее; многих священнослужителей насильно разлучали с женами и детьми, лишали всяких средств существования, увечили самым варварским образом. Правые и виноватые подчас несли одинаковую кару.

Но запрещение браков духовенства и симонии не завершало преобразовательных стремлений Григория: до полной свободы церкви было еще далеко, так как замещение духовных должностей и санов находилось в зависимости от влияния мирян. Эта зависимость ко-

ренилась в самой глубине средневековой жизни. Дело в том, что в западной Европе издавна установился обычай так называемой инвеституры духовных сановников мирянами. Инвеститура состояла, как известно, в символической передаче церковных имений и связанных с ними привилегий епископам, аббатам и другим прелатам и в утверждении их во владетельных правах. Этой мерой светская власть оставляла за собой верховные права на различное земельное имущество, подаренное в разное время церкви и охватывавшее в общей сложности громадную площадь, равную целой трети земель Запада. За пользование этими землями духовенство несло известные повинности и даже как бы отбывало воинскую службу, выступая в случае войны в поход во главе отрядов, собранных в церковных владениях. При господствовавшем тогда феодальном строе право инвеституры служило для королей оплотом и основой их могущества, давая им необходимую военную силу для укрощения буйных и непокорных светских вассалов. Поэтому на высшие духовные должности получали инвеституру только лица надежные и близкие королям. С другой стороны, инвеститура содействовала симонии, так как иногда короли давали кольцо и посох за деньги и зачастую награждали епископствами и аббатствами за оказанные им услуги. Само собой понятно, что Григорий VII не мог мириться с подобными порядками.

Первый открытый шаг против инвеституры Григорий сделал на Римском соборе 1075 года, издав запрещение принимать ее (инвеституру) от светских владетелей под угрозой отлучения: право на замещение духовных мест и власть над церковным имуществом находятся в руках папы.

Таким образом, все земли, омываемые Средиземным морем, так или иначе находились под властью Григория. Не довольствуясь этим, папа устремил свои взоры на страны отдален-

ного Востока. Он заводил с византийским императором речь о единении церквей под главенством Рима, доказывал ему необходимость дать общий отпор грозно надвигающемуся мусульманству.

Северные окраины Европы привлекали также внимание Григория. Он завел деятельные сношения с королями Швеции и Норвегии, внушая им мысль о необходимости иметь пастырей из Рима и стараясь пробудить стремление к независимости их церквей от власти немецкого примаса. Даже славянские земли не избежали участи своих соседей, и от них Григорий желал покорности святому престолу.

Из них первой обратила на себя его внимание Богемия, где раздоры в княжеской семье послужили удобным поводом для вмешательства папы. Такой же точно политики придерживался Григорий и по отношению к Польше, князю которой содействовал в принятии королевского титула. За его покорность и подарки он учредил в Польше митрополию, подчиненную только Риму. От французского короля Филиппа папа также требовал полного подчинения и даже отлучил его от церкви за непослушание. Однако отлучение Филиппа и угроза Григория остались без особых последствий, так как французское духовенство и знать, вообще сочувствовавшая делу церковных преобразований, не поддержали притязаний папы на верховное господство и не позволили ему распоряжаться по своему усмотрению во Франции.

Подобная неудача постигла Григория и в Англии. Вскоре после своего избрания Григорий, жалуясь на безотрадное состояние церкви и свое опасное положение, просил Вильгельма «присылать в Рим должную подать в пользу св. Петра, которому король обязан многим» и предписывал английским епископам явиться на Римский Собор. Вильгельм, «славнейший король и единственный сын святой римской церкви», запретил, однако, своим

епископам исполнить требование папы.

Дело в том, что, по господствовавшему в средние века мировоззрению, во главе тогдашнего мира, правда, только по имени, стоял наследник власти римских цезарей германский император – верховный сюзерен всех королей, герцогов, графов, словом, всех светских владетелей, исповедовавших христианскую веру. Стало быть, притязания папства в лице Григория на державное положение нарушали вековые права императорства и должны были вызвать неминуемое столкновение. Григорий, следуя строгой последовательности своего замысла, хотел сделать германского императора первым вассалом апостольского престола.

Таким образом, Григорий поколебал все устои феодальной империи, стремясь поставить папство во главе светского общества, прежний повелитель которого должен был передать освященные седой стариной права римскому первосвященнику как заместителю Бога на земле.

Главной задачей папы стало запрещение инвеституры. Запрещение это наносило тяжелый удар по королевской власти, лишая ее опоры могущества, осуждало ее на покорность Риму, делая светских вассалов совершенно независимыми от своих королей. Конечно, ни один властитель не мог согласиться на подобное самоубийство: для каждого из них настала пора борьбы за существование, известной под именем спора за инвеституру. Главным борцом со стороны светских владетелей выступил германский король Генрих.

Излюбленной карой Григория за большие и малые проступки была анафема, т. е. отлучение от церкви. Там, где не действовала анафема, Григорий прибегал к мечу, возмущению подданных и подчиненных, лишь бы заставить повиноваться воле Бога, выраженной его устами. Таковы были идеалы Григория и средства, выдвинутые им для их достижения.

Но эти средства его были пригодны лишь

там, где обстоятельства подготовили для них благодатную почву. Это вполне доказала неудача его французской и английской политики. Иначе сложились дела в Германии, где победа была легче, а торжество полнее.

Германский император постоянно должен был бороться со стремлениями герцогов к самостоятельности. Возник крупный заговор, тайным главой которого являлся шурин Генриха – Рудольф, герцог Швабский. Пламя мятежа быстро охватило почти всю Германию и побудило короля, желавшего покончить с внутренними врагами, искать примирения с папой, которому он отправил смиренное письмо.

Григорий отправил в Германию нескольких епископов. Они должны были содействовать прекращению неурядиц и проведению церковных преобразований. Король встретил посольство в Нюрнберге при значительном стечении духовенства и народа, принес покаяние за свое общение с отлученными.

Но из-за противодействия германских епископов мысль Григория о подчинении немецкой церкви Риму осталась неосуществленной. Горькое сознание этого сделало Григория еще безжалостнее и беспощаднее. Теперь он уже непоколебимо стремился к полному подчинению светских властей и прежде всего Генриха.

Однако германский король не терял времени: он быстрыми шагами шел к усилению и закреплению своей власти. Генрих начал думать об императорской короне и старался поэтому поддерживать добрые отношения с папой, противодействуя симонии и брачной жизни духовенства. Но немецкие епископы старались посеять недоверие между ним и Генрихом. Старания эти привели к тому, что Григорий запретил светскую инвеституру и отлучил ближайших советников германского короля. Несмотря на запрещение, Генрих без ведома папы назначил нескольких епископов и аббатов и удержал отлученных при себе.

В Риме противники папы подняли голову, и виновником этого был сам Григорий. Он потребовал от римского духовенства строгого соблюдения своих постановлений о симонии и браках священников. Многие лишлись своих мест. Это рассердило и римскую знать, имевшую обыкновение выдавать своих дочерей за священнослужителей. Далее, папа обуздал алчность кардиналов, начинавших совершать богослужение еще ночью для увеличения доходов. Все эти вполне справедливые распоряжения возбудили в сердцах многих римлян стремление положить предел замыслам неутомимого папы. Недовольные нашли себе предводителя в лице могущественного и уже известного Ценция.

Таким образом, в тиши зрел заговор против Григория, но его участники не начинали враждебных действий, боясь гнева германского короля. Впрочем, и при дворе Генриха работали участники заговора.

Генрих назначил клирика Тедальда миланским архиепископом. Этим назначением Генрих выразил полное пренебрежение к запрещению светской инвеституры, не исполнил своих обещаний и просьб папы.

Гнев Григория не знал границ, он поспешил вмешательством в германские дела отплатить Генриху.

Григорий решил вызвать Генриха на открытую борьбу, чтобы низринуть его с высоты могущества в пропасть глубочайшего унижения. С этой целью пала отправил к нему посольство с длинными письмами, где упрекал короля за общение с отлученными, за несдержанные обещания, за нарушение запрета на светскую инвеституру. Послам было поручено передать требование папы – явиться в качестве подсудимого на ближайший Римский собор; в случае неповиновения они должны были грозить анафемой и заявить, что «папа скорее пожертвует жизнью, чем оставит королевский венец на главе нераскаявшегося грешни-

ка».

Послы прибыли в Германию и в точности исполнили волю папы. Генрих был страшно возмущен «наглым требованием» папы.

Была пора, и сравнительно недалекая, когда императоры низлагали и судили пап. Теперь Григорий указывал, что роли переменялись. Верный заветам старины, он принял брошенный вызов, отдав приказание немецким епископам собраться в Вормсе 24 января 1074 года, чтобы сообща положить предел непомерным притязаниям того, кто величал себя «рабом рабов божьих».

Неизбежность разрыва понимали многие, и итальянские противники Григория начали действовать.

В сочельник 1075 года Ценций с наемниками совершил покушение на папу, ранив его. Но толпы римлян освободили Григория.

Как часто бывает, насилие привлекло народные симпатии на сторону обиженного, популярность папы поднялась до небывалых размеров; теперь он мог рассчитывать на безусловную преданность римлян; кровь Григория, пролитая Ценцием, скрепила союз между населением и его духовным пастырем.

При таких обстоятельствах в назначенное время собрался созванный Генрихом собор в Вормсе. После непродолжительных совещаний Григорий был объявлен недостойным папского сана, и ему отказали в повиновении.

Генрих, опираясь на древнее право, повелевал Григорию сойти с апостольского престола. Кроме того, король особым посланием увещевал верных римлян содействовать исполнению соборного решения, но «не проливать крови Гильдебранда, так как для него после низложения жизнь будет большим наказанием, чем смерть».

Нельзя не согласиться, что большинство обвинений, выставленных на Вормском соборе против Григория, было вполне основательно и справедливо. С точки зрения император-

ской партии, их было больше, чем достаточно для отказа в повиновении недостойному папе, от которого требовали добровольного сложения присвоенного сана.

Посол короля явился в Рим с повелением Генриха и огласил его во время собора. Дерзкая, почти отчаянная смелость королевского посланца ошеломила сначала все собрание. Римский префект и толпа присутствовавших мирян с обнаженными мечами бросились на посла и нанесли ему тяжкие оскорбления. Только своевременное вмешательство папы спасло его от неминуемой смерти. Однако на другой день из Германии пришли письма от нескольких епископов, где они просили прощения за свою дерзость и обещали впредь повиноваться римскому первосвященнику. Это ясно показывало, что враги не единодушны. Папа, уверенный теперь в своем торжестве, с новым мужеством открыл соборное заседание в присутствии множества духовенства и мирян. Дружные приветствия встретили решение Григория, по которому главные виновники вормских постановлений – епископы – лишались санов и причастия; оставленным давалась отсрочка для принесения покаяния до 1 августа 1076 года. Но необходимо было покарать и Генриха. Почти все хотели избежать крутых мер, но папа горел желанием дать миру небывалый пример самого строгого наказания. Делая столь необычный и неслыханный шаг, Григорий для успокоения недоумений прибегнул к необычной форме, рассчитанной на религиозное настроение современников. Приговор над Генрихом был произнесен в виде молитвенного обращения к св. Петру: «Блаженный Петр, глава апостолов, преклони, молю, милосердное ухо твое к нам и услышь меня, раба твоего: я, ради чести и защиты твоей церкви, во имя всемогущего Бога и в силу твоей власти и полномочий, запрещаю королю Генриху управление всей Германией и Италией, так как он с неслыханной гордостью вос-

стал против твоей церкви, и освобождаю всех христиан от уз клятвы, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем без исключения повиноваться ему как королю».

Этот приговор был разослан по всем уголкам католического Запада. Таким образом, Григорий готов был вступить в бой с Генрихом во главе своих союзников.

Между тем в Германии разыгрывались самые поразительные происшествия. Недаром Григорий полагал, что различие наказаний он внесет раздор во вражеский стан и разрешением подданных от присяги доставит Генриху дома неисчислимы хлопоты. Ожидания папы оправдались. Южногерманские герцоги, давние противники усиления королевской власти, постарались прикрыть измену покровом религии: они объявили, что отныне не признают отлученного Генриха королем.

Тщетно Генрих пытался со своей стороны поразить Григория; епископы не решались исполнить волю своего государя и отплатить анафемой за анафему. Король, однако, не пал духом и назначил на Троицу новый собор в Вормсе для вынесения окончательного приговора папе. Во все стороны Генрих отправил письма, жаловался в них на «монаха Гильдебранда, присвоившего, вопреки Божеским и человеческим законам, царскую и папскую власть».

Пламя мятежа опять охватило Саксонию. Королевский наместник стал во главе крамольников; счастье почти совершенно оставило Генриха: его вернейшие друзья и приверженцы поехали с повинной в Рим.

Южногерманские герцоги соединились с саксонцами и назначили имперский сейм в Трибуре для прекращения смуты, потрясавшей государство. На Генриха со всех сторон надвигались грозные тучи, а тут еще папа, оставляя за собой право окончательного освящения выбора князей, заговорил об избрании нового короля, тем самым подливая

масла в огонь. Дело Генриха казалось навсегда потерянным. Но чувство справедливости жило даже в ревностных приверженцах церковных преобразований. Все не заинтересованные лично в дальнейшем ходе событий склонялись к тому, что для общего блага необходимо восстановить пошатнувшийся мир. Тщетно Григорий целым рядом окружающих посланий пробовал доказать закономерность своего поведения: он встречал сильных противников, которые устраняли все доказательства папы, называли его нарушителем судебных законов, так как он сам и обвинял, и свидетельствовал, и судил. Смелые голоса обвинили папу в пристрастии, Генриха – в высокомерной дерзости. Григорий настаивал, чтобы за ним осталось право простить виновного, и под давлением общественного мнения неоднократно изъявлял полнейшую готовность примириться, как только Генрих принесет пред ним должное покаяние. Генрих со своей стороны под гневом обстоятельств склонялся принять условия примирения. При таком положении дел состоялся Трибурский сейм (осень 1076 г.).

После долгих пререканий примирительное настроение возобладало. Решено было, чтобы Генрих исполнил желание папы, направился в Рим и принес должное покаяние до февраля 1077 года; если же он не будет принят в лоно церкви до истечения этого срока, князья избирают другого короля. Как бы ни поступил Генрих, папа приезжает в Германию для устранения неурядиц и прекращения смут.

Ни имперская знать, ни папа не были довольны исходом сейма. Но Григорий имел и утешение: ему льстила надежда прибыть в Германию и выступить в роли третейского судьи между королем и подданными, свести счеты с непокорным немецким духовенством, что неизбежно содействовало бы поднятию престижа апостольского престола. Зато князья опасались приезда папы и последую-

щего неизбежного покаяния и прощения Генриха и решили помешать ему примириться с церковью до истечения роковой годовщины. С этой целью они заняли все проходы, ведущие в Италию. Однако король прозрел опасность и обратился к Григорию с просьбой принять его при личном свидании в Италии в лоно церкви. Папа отказал и твердил, что «готов положить душу за овец стада своего подобно тому, как Христос пожертвовал кровью для спасения нашего».

Генрих, проведав о положении дел в Италии, решился добиться от папы снятия отлучения, вырвав у него прощение. Тайно от князей, со многими епископами и приверженцами, с женой и сыном предпринял он опасное зимнее путешествие по окольным дорогам через Альпы в Ломбардию, где и нашел самый восторженный прием. Испуганный внезапным появлением Генриха, папа поспешил укрыться в крепком замке Каноссе.

Ценций поспешил к Генриху. Но молодой наследник императорского венца не питал коварных замыслов, он не хотел открытой борьбой с папой дать предлог германским мятежникам к избранию нового короля. Сознывая опасность своего положения, Григорий вступил в переговоры об условиях прощения, но тянул всячески время, а годовщина отлучения была не за горами. Желая поскорее выяснить истинные намерения папы, Генрих, несмотря на суровую зиму, босиком и в одной власянице, с непокрытой головой явился просить о прощении. Три дня тщетно стучал король со своими приближенными в ворота замка. Григорий оставался глух, чувствуя себя связанным с германскими герцогами, и твердил о своем непреложном решении отложить окончательный приговор до столь желанного собора в Германии. Папа хотел как можно глубже запечатлеть в сердцах всех свое торжество и на смиренные просьбы отвечал гордым отказом, хотя все присутствующие подавали свои

голоса в пользу примирения.

Папа требовал, чтобы Генрих лично поклялся соблюдать условия, на каких ему дано будет прощение. Личная же клятва, по воззрениям того времени, считалась невозможной для королей, и само ее требование было неслыханным унижением. Под давлением окружения папа заявил, что довольствуется клятвой поручителей. Два епископа дали клятву на Евангелии, что Генрих, если не помешают уважительные причины, в полной безопасности проводит папу или его легатов в Германию, чтобы там, по совету его или по приговору, примириться со своими противниками. Король, для которого Григорий превратил покаяние в унижение, проливал горькие слезы.

Получив благословение папы, король немедленно покинул роковой замок. Епископов Григорий задержал в Каноссе, требуя от них какой-то клятвы. Они отговорились невозможностью сдержать ее и под покровом ночи тайком бежали к своему государю.

Так закончилось пресловутое, вошедшее на Западе в поговорку, Каносское свидание. Его значение современники понимали как отказ от обвинений с обеих сторон, возвращение папе его сана, королю его венца, Но в то же время здесь раскрылся характер Григория и определился весь ход дальнейшей борьбы. Каносса была зенитом его славы, и с нее началось падение. Природная жестокость сказалась здесь во всей своей силе, сказалось и злорадство плебея, чванившегося унижением сына могущественного императора. Резкостью и явным желанием уронить достоинство побежденного Григорий нажил себе в нем непримиримого и смертельного врага. После Каноссы Генрих существенно изменяется: он сознательно делается главой всех противников папы, ведет с ним смертельную борьбу, отстаивая права светских государей и общества на самобытное существование, на вольное разви-

тие, становится в свою очередь поборником идеи будущего, идеи государственности, осуществление которой включает церковь в число членов государства, но не дает господства и власти.

Беря тайно под свое покровительство германских крамольников и обещая им содействие неба, Григорий внешне поддерживал дружественные сношения с королем. Отношения значительно обострились, когда папа решительно потребовал от короля дать ему, сообразно каносским обещаниям, свободный пропуск в Германию, где князья тайком от Генриха назначили сейм в Форхгейме на 13 марта 1077 года. Король отвечал, что не может немедленно исполнить желание папы. Григорий послал тогда в Форхгейм своих легатов, облеченных чрезвычайными полномочиями. Прибыв на место назначения, легаты объявили собравшимся князьям и епископам, что папа просит, если возможно, подождать его прибытия; в противном случае полагается на их знание положения государства и не будет мешать их решению. Выбор пал на Рудольфа, как известно, уже давно помышлявшего о короне. Григорий создал новый план для расширения своего влияния на Германию; он рассчитывал, натолкнув князей на избрание короля, выступить судьей между соперниками из-за королевского венца; покорность и смирение одного удержат за ним престол, другой погрузится в бездну унижения, и папство станет неизмеримо выше всех светских государей.

Все сторонники Генриха немедленно выступили против Рудольфа, и сам король поспешил из Италии за Альпы, чтобы личным присутствием поддержать своих приверженцев. Потоки крови, пожары и грабежи ожидали теперь Германию и Италию в угоду властным притязаниям Рима. Опираясь на свои законные права, Генрих отверг посредничество князей. Тогда легат папы громогласно про-

изнес над ним отлучение, объявил Рудольфа единственным законным королем и приказал всем повиноваться ему. Таким образом, не прошло и года, как Генрих опять попал в число отщепенцев, что ухудшило его положение, увеличив число сторонников Рудольфа.

На стороне Генриха были горожане и крестьяне, расположенные к нему за его стремление к обузданию произвола знати; под знаменами Рудольфа находилось большинство вельмож, опытных в военном деле. Обе стороны вели войну с ужасной жестокостью, но ни одна не могла окончательно одолеть другую. Ввиду этого после нескольких месяцев упорной борьбы противники опять обратились к папе за решением своей распри.

Папа выжидал, на чью долю выпадет решительная военная удача, но косвенно уже нападал на Генриха, проигравшего важное сражение.

И Генрих, и Рудольф были недовольны проволочкой, и первый стал говорить, что лучше всего обойтись без папского вмешательства. За словом последовало дело: он начал переговоры с отдельными восставшими владельцами и успел некоторых из них склонить на свою сторону. Такое поведение Генриха заметно повлияло на решение следующего Римского собора.

Папа лелеял мысль признать обоих королей законными, разделив Германию на две вполне самостоятельные части, повелители которых должны были признать наместника апостолов своим верховным главой. Таким образом, Григорий одной рукой бросал искры в бочку с порохом, другую протягивал с мирными предложениями.

Положение дел в Германии стало просто невыносимым: почти в каждом городе было по два епископа, в герцогстве – по два герцога, а в графстве – по два графа. Один защищал Рудольфа, другой – Генриха. Григорий не мог более медлить: проволочки надоели всем и вы-

зывали лишь раздражение. Генрих узнал о коварстве папы и решил вынудить его сделать решительный шаг: в Рим он отправил послов с поручением потребовать от папы отлучения Рудольфа и грозить низложением, если Григорий опять начнет хитрыми уловками и увертками поддерживать крамольников. На соборе 1080 года Григорий приступил к разбору спора за германскую корону.

Свое решение папа по-прежнему обнародовал в форме молитвенного обращения к св. Петру и Павлу. Здесь Григорий кратко и не совсем точно описывал свою жизнь, борьбу с нечестивцами и их главой Генрихом и объявлял его в конце концов вторично низложенным и отлученным, а сторонникам Рудольфа обещал от имени апостола вечную жизнь и прощение грехов.

Григорий сказал свое последнее слово: все подвластно церкви, все принадлежит ей. Отныне большинство современников, пораженных чудовищностью притязаний, двуличной политикой и покровительством смуте, отшатнулось от папы.

В Германии Генрих не потерял ни одного приверженца вследствие приговора Григория: здесь успели привыкнуть к отлучениям и уже смеялись над ними.

Большинство немецких епископов прямо настаивало на неотложном избрании нового папы и объявило, что не станет повиноваться Григорию.

При таком положении дел и состоянии умов Генриху легко было отвечать на удар ударом: следствием Римского собора и низложения короля были собор в Бриксене и низложение папы. Григорий предписывал своим германским приверженцам дружным натиском покончить с Генрихом. Монахи и епископы были отправлены за Альпы с проповедью восстания против отлученного и низложенного короля. Со всех сторон хотел папа обрушиться на ненавистного Генриха; ко-

ролям Англии, Дании, Польши, Венгрии, Богемскому герцогу писал он и призывал их на помощь, но ни один не откликнулся на призыв, и зов Григория остался гласом вопиющего в пустыне. Даже итальянские союзники обманули его. Невзирая на все эти неудачи, Григорий продолжал поддерживать своих уже немногочисленных сторонников уверениями в близком торжестве св. Петра: папа говорил с амвона, что «не пройдет и года, как умрет незаконный король». И он умер: в Германии произошло решительное столкновение, закончившееся поражением Генриха. Зато Рудольф купил победу ценой жизни (15 октября 1080 г.). Он пал на поле битвы, причем у него была отрублена правая рука, та самая, которой он присягал когда-то своему законному государю. Многие из прежних врагов перешли под знамена Генриха, и он решил предпринять римский поход для фактического низложения Григория и принятия императорского венца из рук своего ставленника.

Генрих уже чувствовал корону цезарей на своей голове и с ничтожными силами отважно подступил к вечному городу, рассчитывая на римских баронов и ожидая встретить в Григории уныние и покорность. Но он жестоко ошибся. Ничто не могло сломить непреклонный дух папы, хотя неудачи градом сыпались на него. Григорий, казалось, объявил войну всему миру: новой анафемой поразил Генриха и его сторонников, отрешил всех не явившихся на последний собор, отлучил многих духовных и светских сановников почти всех европейских стран «за нерадение к выгодам св. Петра».

Король, с ничтожными силами подступивший к Риму, наткнулся на неожиданное сопротивление. Римляне остались глухи к его просьбам и увещаниям; городские ворота оказались запертыми; пришлось силой отворить их, но войск не хватало. Упрямый Генрих хотел совершить обряд коронования, так

как в свою очередь предсказывал, что до Троицы сделается римским императором. Вскоре начались обычные лихорадки, которые значительно уменьшили силы Генриха. Он принужден был отступить. Следствием такой неудачи явилось избрание в Германии нового короля – Германа Люксембургского, который в короткое время причинил значительный ущерб приверженцам Генриха. Но Генрих не вернулся в Германию, а занялся приготовлением к новому римскому походу. Сначала он попытался привлечь на свою сторону население и издал манифест, где перечислял все вины Гильдебранда, изъявляя готовность сообща с римлянами дать церкви нового главу, утверждая, что ищет только справедливости. Но и это средство не подействовало: Григорий успел приковать к себе сердца римлян. Тогда Генрих решил приступить к осаде.

Под ударами судьбы пошатнулась верность римлян: три раза они отбивали приступы осаждающих, но потерпели значительный урон. Пользуясь этим, Генрих внезапным нападением овладел частью Рима, расположенной на правом берегу Тибра. В его руки попал и храм св. Петра. Григорий заперся в знаменитом замке св. Ангела и не думал о покорности: он еще раз торжественно отлучил короля. Римские бароны вступили тогда в тайное соглашение с Генрихом, по которому король должен был немедленно отступить от вечного города, но возвратиться к назначенному сроку, когда либо Григорий возложит на него императорскую корону, либо римляне выберут нового папу, присягнув предварительно на верность Генриху. Однако римляне заключением сделки хотели только выиграть время, а Григорий снова обратился за помощью.

Папа стал призывать все западное духовенство на Римский Собор для рассмотрения дела Генриха. Многие думали, что Григорий идет на уступки для достижения столь желанного успокоения бушующих страстей. Од-

нако призывные послания Григория показали, что он желает воспользоваться собором только для того, чтобы поднять весь мир на своих противников и не думает уступать ни единой пяди своих притязаний. Но страх перед сильными мира до такой степени овладел умами, что собор воспротивился торжественному отлучению Генриха. Лапа все-таки произнес над ним анафему, не называя его по имени.

Узнав о соборном решении, Генрих снова явился с войском перед Римом и потребовал исполнения тайного договора – императорской короны или от Григория, или от другого папы. Наконец, папа изъявил готовность короновать своего противника, если тот всенародно принесет покаяние и попросит о снятии отлучения. Эта железная непреклонность уже стала раздражать население. Нашлись и изменники; Генриху вскоре отворили ворота св. Иоанна, он завладел Латераном. Народ с громким ликованием приветствовал короля, усматривая в близком будущем полное прекращение ненавистной и тяжелой войны. Над папой заочно произнесли анафему в храме св. Петра и торжественно низложили, а римляне подали свои голоса в пользу Виберта, который и был посвящен в сан наместника апостолов под именем Климента III. Через неделю (31 марта 1084 г.) новый первосвященник возложил на Генриха и его верную Берту императорский венец. Последний оплот Григория был окружен стеной и отрезан от остального мира. Жизнь осажденных висела на волоске.

Едва норманнский герцог Роберт Коварный прорвался к стенам Рима, как измена открыла ему ворота и в самое короткое время повергла противников к его победоносным стопам. Папа покинул свое убежище и перешел в норманнский стан. Тем временем несчастный Рим был отдан за свою измену на разграбление диким наемным толпам. Но папа считал разрушение Рима справедливой карой за измену его жителей: он привел город к возрождению от

ига баронов, он же и уничтожил посеянное и взлелеянное благосостояние. Иного взгляда придерживались римляне: их преданность императору пустила глубокие корни за эти кровавые дни. Дальнейшее пребывание Григория в Риме сделалось невозможным. Папа как жалкий беглец принужден был следовать за Робертом, горсть верных разделила участь своего главы и пошла вместе с ним в изгнание в Салерно.

Тем временем Климент III утвердился в Риме, куда Григорию не суждено было возвратиться. Но он и в Салерно остался таким же железным человеком, каким был в Риме. На созванном соборе он опять предал анафеме Генриха. Но заботы и тревожения последних лет потрясли здоровье престарелого папы, он сам уже сознавал, что конец близок; за несколько месяцев он предсказал свою скорую смерть, назначив 25 мая своим последним днем и определив даже час своей кончины. Старческий недуг быстро уносил жизненные силы, и Григорий надеялся на близкое освобождение. Наконец, настал роковой день. Папа отправился в церковь, принял причастие и произнес к собравшемуся народу прощальную речь.

Мысль о близкой утрате вождя все-таки тревожила друзей его, и они начали толковать, кто поведет дальше почти проигранное дело. Опять обратились за советом к Григорию, и он на вопрос, кого желает иметь своим преемником, назвал одного из трех вернейших своих сторонников, просил избранному дать имя Виктора (победитель), как бы желая показать твердую веру в победу своего дела, и от имени всемогущего Бога, и в силу полномочий св. апостолов Петра и Павла заклинал признать римским первосвященником только лицо, канонически избранное и посвященное. Перед смертью папа произнес свои последние бессмертные слова: «Я любил справедливость и ненавидел неправду, и за это умираю в из-

гнании».

Так закончил 25 мая 1085 года свою многотрудную жизнь Григорий VII. Долго искренность и чистоту его намерений не признавали даже продолжатели его дела, папы XII и XIII веков, впрочем, шедшие только к мировому господству ради господства, только в Салерно чтили его как святого мученика и исповедника. Лишь в 1609 году останки перенесены были из небольшого склепа в Салернский собор, и папа Григорий XIII, глубокий его почитатель, назначил 25 мая праздником в честь нового святого. Но только в 1728 году папа Бенедикт XIII объявил, что весь христианский мир должен чтить день, посвященный памяти Григория VII.

Строго говоря, Григорий VII не внес в мир ничего нового, им самим созданного: идеалы, его воспламенявшие, назревали, как известно, веками, и он сделал только наиболее решительную попытку к их воплощению. Тем не менее мировое значение его миссии чрезвычайно велико. Своей мирообъемлющей деятельностью он определил все дальнейшее течение истории папства и тесно связанное с

ней развитие Запада. Он оставил своим преемникам завет – добиваться господства над миром ради спасения человечества – и создал церковно-политическую систему, представляющую собой удивительное смешение начал ветхозаветной теократии и идей, выработанных древнеримским императорством. Но влиянием на ход исторического развития не исчерпывается все значение жизни и деятельности Григория VII. Он представляет собой высокий образец человека идеи, глубоко верившего в то, что он делал и говорил.

Природа человека полна противоречий, природа гения – в особенности. И в Григории жили рядом непримиримые крайности: искусный политик, неустанный делец, воин в душе, царь по призванию, он на высоте апостольского престола вздыхал о монастырской келье, об отречении от греховного мира. Чем шире открывалось поле деятельности, тем сильнее жаждал он своего торжества и становился непреодолимо упорным. Стойкий, непоколебимый, он иногда делал вид, что идет на уступки хитрил, позволял себе двуличничать, чем ускорил и обусловил свое падение.